

18+ Моисей Василяди

*Пять пьес
ни о чём*

Моисей Василяди
Пять пьес ни о чём

«Издательские решения»

Василиади М.

Пять пьес ни о чём / М. Василиади — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-553122-3

Пять пьес для камерной сцены. Пьес о чём-то сложно определяемом, неуловимом, порой амбивалентном, как и сама жизнь. Пять смешных и горьких историй о совершенно разных людях — парадоксальных и противоречивых, добрых и не очень, странных и совсем обычных.

ISBN 978-5-00-553122-3

© Василиади М.
© Издательские решения

Содержание

Семейка, вашу мать!	6
1 АКТ	7
2 АКТ	20
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Пять пьес ни о чём

Моисей Василиади

Редактор Юлия Ескина

© Моисей Василиади, 2021

ISBN 978-5-0055-3122-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Семейка, вашу мать!

Персонажи:

Филипп – отец, 70 лет.

Надежда – мать, 68 лет.

Светлана – дочь, 49 лет.

Андрей – сын, 46 лет.

Илья – сын, 42 года.

Кирыак – дядя, 77 лет.

Баба София – древняя и мудрая.

Зинаида – женщина, которая так...

Время действия: 200... какой-то год

1 АКТ

Август месяц. Раннее утро. Большой южный двор, беседка, обвитая виноградной лозой. В центре – выдавший виды и годы величавый стол из акации. За столом сидит глава семейства Филипп – невысокого роста, сухощавый мужчина в летах, по-деревенски – старик. Правда, не по-деревенски как-то одет – в хорошей белой рубашке. Что-то рисует на картонке. При появлении жены прячет картонку под стол. Надя с грохотом ставит сумку с продуктами на стол.

Надя. Чего сидим и блестим? Счастья ждём?

Филипп. Ну это, того... иди давай, делай свои дела.

Надя. Я-то делаю дела! Я токо и делаю дела! Свои, твои! Всё чё-то мои дела! Рынок, магазин, сельсовет! Всё мои!.. А твои?! С кролями поговорил и все дела! Сиднем сидеть – вот твои дела! Нарядился и сидит, как этот...!

Филипп. Ну чё ты... чё те надо от меня? Ну, оделся в чистое. Чё с утра, того...

Надя. И чё!?! Напёшься, и чё будешь делать!? В виноградники побежишь!? Так их и нет боле! И чё делать!? На лиман топиться!? Так и его нет, грязь одна! Куда побежишь?! А-а-а! Ой! Это же ты подарок любимого сыночка напялил на себя! Всё надел? Плавки дарёные не забыл? Надо же... Какого...

Андрей (*появляясь и садясь за стол*). Мама-мама-мама, ну что ты так... Отцу сегодня семьдесят. Семьдесят лет. И пятьдесят из них ты его каждое утро... Зачем? Ему уже давно пора от всего этого отвыкать.

Уехав из дому, я поначалу, знаешь, даже скучал по этой утренней зарядке. Каждое утро здесь просыпался от того, что вы с петухом соревновались, кто кого. А покинув отчий дом... Извиняй, мать... Там у себя в Питере просыпался, и какая-то подозрительная тишина, странно так... Никто не кричит, ни мать, ни петух. И как-то даже тревожно становилось. Решил исправить положение... Женился на такой же, прости, шумной... Как в прошлое вернулся. Через пять лет оставил ей всё и ушёл. Покой, мать, великая штука... Извиняй.

Надя (*повисла тяжёлая пауза. Надя – мужу*). Лыбишься? Рад, что сынок с женой твоей и матерью своей так вот разговаривает! Ой как приятно! Ну я вам устрою день рождения (*ушла и через мгновенье влетела обратно*) Сынок! Слёзно прошу, езжай! Отпразднуете энти ваши, и езжай! Не надо! Не надо здесь свои порядки наводить, у нас свои! Вот какие имеем, они наши! (*кланяется в пояс*) Уж прости! (*ушла и вернулась*) Пожалей нас! Мать, брата. Болеет он, болеет! Не пил! Третий день пьёт! Понимаешь ты! Ты его болезнь! И эта!.. Святая ваша... шлюха! (*убежала*)

Филипп. Ну всё... век счастья не видать. Всё, когда так говорит, то всё... теперь весь день, того...

Андрей. Пап, да не бойсь. Впервой, что ли. Переживём... Через два дня уеду, всё наладится, и мир, и покой, всё будет... (*пауза*) С днём рождения, родной мой. С детства, с самого раннего детства, и по сей день связан с тобой такой пуповиной, да ты таких пуповин в жизни своей не видел! (*обнимает и целует*) Вот наша мать твоей редкой терпимостью и человечностью пользуется. Чего ты реагируешь как первый год замужем. Ты чего! Наша мать так должна была закалить тебя. Заметь, на меня практически не наезжает.

Филипп. Жил бы здесь, получал бы свою пайку каждый день.

Андрей. И да, и нет. Ты получал и получаешь чаще, потому что реагируешь, страдаешь, винишься. Я это слышу лет ой-ей-ей сколько... Слова одни и мотивчик тот же... Побереги своё сердце... Ты от холестерина принимаешь?

Филипп. Ну...

Андрей. Чё ну? Таблетки, статины и... Все четыре пьёшь? Утром две и на ночь.

Филипп. Ну...

Андрей. Чего ну? Пьёшь – нет?

Филипп. Да они, того, застрявают в глотке...

Андрей. Понятно... Глотка, пап, не сердце... Водички поболе и пройдёт. А ты, того, и правда, не рано ли приоделся? Время сейчас...

Филипп (*глядя на часы*). Так, того... Это, значит, без семнадцати шестнадцать. Так мы же, того, вроде в пять, то бишь, семнадцать часов, собрались выходить? Зинаида Фёдоровна, того, ждать будет... Негоже. До города ещё, того, доехать надо. В парк там сходить, погулять, на пушку посмотреть... На месте ли, не спёрли...

Андрей. Да, па, да, па, да, па... Обязательно совершим все наши процедуры... традиционные. Давай вкатим чего-нибудь?

Филипп. Расстроился, чё ли? Ничё, ты, того... Я в подвал, того, за вином не могу. Ключи у ключницы.

Андрей. Какое вино, отвык я от вина. Как твои таблетки, в горле стоит. Там у меня в комнате целый арсенал, Светкина работа?

Филипп. А-то... Старалась, хлопотала... И мы с ней, того, сховали всё это.

Андрей. Что будешь? Виски, коньяк?

Филипп. Я, того... Что ты, то я... А мать не того?..

Андрей. Плохо ты знаешь нашу мать, она теперь и глазу сюда не покажет. Полдня будет в обороне. Давай виски, окей?

Филипп (*подняв руку*). Ну, энто... Как отвечать-то?

Андрей. О! Yes!

Филипп (*с поднятой рукой*). О-о-о, ес!

Андрей. Ну ты прямо ковбой!

Появляется Илья.

Илья. Чё бодяжим? О, батя уже готов. Скоко сейчас?

Филипп (*та же процедура с растёгиванием рукава рубашки, важно оттопырив руку, демонстрируя новые часы*). Без пятнадцати этого, шестнадцать. По-столичному – пятнадцать сорок пять. Вот так. А ты чё, того, поцарапанный?

Илья. Да царапучая одна попалась. (*Андрею*) А ты, братан, чё квёлый? Я уж все свои дела переделал. И твои... Ха-ха-ха (*долго смеётся*) Чё ты такой? Не выспался?

Андрей. Не спится. Днем часик прихватил, ночами здесь преступление спать, сходил на лиман. Знаешь, на месте такая лунная дорожка... Такая, что чуть было не пошёл. Штаны уж было закатал. Всюду – шур-шур-шур, шелестит... Покойно так. Звёзды с кулак...

Илья. Какой седня день-то?

Филипп. Щас гляну... Первое августа, среда, это точняк (*показывает часы*). Во.

Илья. Батя! Рубаха, часы, всё новье! А плавки надел, у тебя их штук тридцать ненадёванных? Андрюх, в этом годе какие ему приволок? В горошек? (*ржёт*) Батя, жениться надо в новом исподнем, любая сразу даст.

Филипп. Во чё мелит...

Андрей. Мать, по-моему, не планировала его женить. Надо бы спросить?

Илья (*едко хихикнул*). Хе-хе-хе. Вот ты, Андрюха, и спроси, а мы посмотрим!

Филипп. Дались вам эти плавки. Завтра их все, того, сожгу. Чё ты все орёшь? Вы сегодня накличете... (*смотрит на часы*) Мы седни пойдём аль как?

Илья (*смеётся*). Заторопился. Не бойсь! Невесты подождут.

Филипп. Тьфу ты... Тише ори, счас она, того... Чё такой шобутной седни?

Андрей. Илюш, а что сегодня за день?

Илья. Чё? А чё, должен помнить? Среда, вот. А-а-а-а, е... нать!.. Батя, это ты ж сегодня... Так мы ж вчера типа, того, пили. За родился... Ну и чё вы развели здесь с утра. Ну родился и родился. У нас кроме тебя, Андрюха, никто и не помнит, кто когда родился. На хрена тебе эти концерты с рождениями и ресторанами? Чё помнить? Батя, ну типа да, поздравляю... Бать, ты того, сходил бы к Пашке, мне надо типа потолковать с Андрюхой.

Филипп. Я-то могу и к Пашке, и к энтой... а идтить сёдни пойдём, аль как? (*ушёл бормоча*)

Илья. Ну чё?

Андрей. Ты про что?

Илья. А ты как бы ничё, да? Типа не понимаешь?

Андрей. Илюш, ты и вчера чего-то хотел от меня, просил, пугал. В чём вопрос?

Илья (*зло наезжая*). Чё ты ездешь? Чё ездешь сюды? Придумал хренотень с энтими... рождениями. Какие у нас рождения? На хрена нам это.

Андрей. Ну, ты не можешь мне запретить ездить к родителям. Я в твои хоромы и не захожу. И потом это мне решать – праздновать отцовское день рождение или нет. Ему это в радость, да и мне в удовольствие приезжать домой и видеться с родственниками... Некоторыми. Если ты об этом, так я тебе не помеха ни в чём. Ездил десять лет назад почти каждый год, теперь в три года раз и опять – на тебе, не угодил...

Илья. Ох какой ты. Прямо ужик такой... Всё ты понимаешь, чё да как... Слов других боле не буду говорить. Скажу тока одну... Теперя можно не ездить! Всё теперя, поздно! Поздно! (*орёт*) Батя!.. Давай, того, отметим энто дело!

Рубаха у тебя... Так свадьба когда? Сёдня?

Филипп. Я энто, того, у кроля нашего, у Пашки спрашиваю: в кого они такие, всё орут и орут... Он говорит: в корову. Была, говорит, у вас корова такая, Марта. Помнишь, Андрюх? Однорогая. Стоит посреди двора и орёт. Мать на неё, а Марта на мать... Сейчас мать прибежит, устроит тебе и свадьбу, и поминки...

Илья. О-о-о. Это да. Мать, да. Мать может... Так похмеляться будем или чё?

Андрей. Я счас. Вы за матерью следите. Если что, свистите.

Филипп. А чё свистеть?

Илья. Похоронный марш. Мотивчик знаешь?

Филипп. Типун тебе на язык. Чё ты такой-то?

Андрей (*появляясь*). Посуда где?

Филипп (*разгребая ветошь*). Тута, с утра захоронена.

(Илья быстро разливает)

Илья. Это, батя, с днём рождения тебя, чё ли... Здоровья и того...

Филипп. Да ладно тебе, не шуми. Энто чё там дальше говорят, забыл... Здоровья и того... как...

Илья. Ну типа счастья и... (*смеётся*) Ой, охренеть. Селянину счастья. Усратья можно... Это, батя, поздравление для городских и этих... олигархов. Для селян ещё не придумали.

Филипп. Не, а чё там дальше... Раньше помнил... А-а-а, вот – долгих лет жизни. Вот, да... Брежнев, бывало, так говорил – долгих лет жизни. Гляди, толково, это правильно.

Илья. Ой, бл... Ладно, долгих лет тебе жизни с Надеждой Петровной (*ржёт*)

Филипп. Вот-вот-вот... Ентим живёшь, ентим и того... Будем. Тихо чокайтесь, мать этот звук за версту чуёт. Давайте тихонечко, вот так. Ну, поехали...

Входит Светлана, останавливается, оперев руки в боки.

Светлана. Художник Репин! Отец натаскивает отпрысков, как правильно возлиять... Да глотайте уж! Здоровы были. Привет, братец (*подойдя к Андрею и взяв за плечи, долго смотрит в глаза*)

Андрей. Привет, сестрёнка (*обнялись*).

Света. Налейте мне три капли. Чё там, вискарь? Илюха! Налей, говорю! Не жмись!

Илья. Чё орёшь! Мать услышит *(наливает)*.

Света. Кто тебя так? Мало. С удовольствием бы добавила. У-у-у... *(угрожающе, провела рукой по лицу Ильи)*. Не услышит мать, ушла к бабке Софье! Чё, мать с утра своё отработала? Разборки были, а? Ну, братец, с приехалом!

Андрей. Спасибо. И всё?

Света. А чё ещё! Ну ещё раз с приехалом! *(смеётся и выпивает)* А чё без закуси сидите? Батя, чё мамка такая? Ругалась, чё ли? Ба! Батя, в какой ты рубахе... Это же *(встала и, подойдя сзади, залезла под воротник)* Ё-моё! Это же Армани! Тыщи четыре-пять стоит! Батя, ты чё! Женихаться собрался!

Филипп. Всё орут и орут, сейчас накличат... Надо рубаху сымать, житья не дадут *(стал растёгивать рубашку)*.

Света. Не смей! Красота какая. Ты прямо как с журнала...

Илья *(наливает всем, протягивая стакан Светлане)*. На, держи. Может, чё скажешь?

Света. Да я уж дважды сказала, вы чё!?! Могу ещё. В общем... Ой, ё-моё!.. Андрюха, ты, он же... вашу маму!..

Илья. И твою, тем же..

Света. Батя, ну давай, с этим... Сказали бы, засранцы! С твоим днём рождения! Желаю тебе здоровья и процветания в бизнесе! *(смеётся)* Чё мелю!.. Это я у себя в кабаке такое гостям впариваю. Здоровья тебе, мой дорогой батяня! А, знаешь, что самое главное? М-м-м? Без тебя не было бы нас?! *(ржёт)* Вы чё так смотрите? Это типа шутка...

Андрей. Да мы поняли, садись, рассказывай.

Света. Илюх, ты, того, давай сгоняй в холодильник, там сырку, колбаски... Вы чё, я так не могу, я же не завтракала ещё, а вы чё? Чё сидишь! Давай! Яиц там десяток брось на сковороду.

Илья *(вставая)*. Чё разоралась! Сама давай.

Света. Чего! Кто тут старшой! Давай, ноги в руки! Я по брату соскучилась... Илюш! Кредита на хрен лишу! *(Илья нехотя пошёл)*

(Андрею) Чё ты такой? Чё стоишь! Садись давай!

Филипп. Вот чё за дом, орут и ржут, в конюшне сельской тише. Светка, чего вы все орёте. Он вот пред тобой. Что за порода такая... И, правда, коровья какая-то порода...

Света. Батя, иди ты!.. Илюшке помоги, с закусью, а то у него руки крюки. Давай сходи...

Филипп *(вставая)*. Да вот прямо... Всё бросил и пошёл, как же... *(ушёл)*

Света *(долго, пылливо, смотрит на Андрея)*. Тебя сколько не было? Три? Аль боле?

Андрей. Да, три... Три года. Чего выгледеть-то хочешь? Со мной всё в порядке, и мамке так передай. Это она тебя подслала, колись?

Света. Было такое, позвонила. Волнуется за тебя. Говорит, бузили, кричали вчера... Илья, говорит, плохой, злой уж который день. Андрюха, говорит, глаза от меня прячет, вижу, плохо ему... Тебе плохо, братишка?

Андрей. Вот больше нет у вас занятий, как меня разглядывать и пытаться.

Света. А ты это, наше всё... С самого детства, самый-пресамый... Смотрите – Андрюша! Что Андрюша сказал, что Андрюша сделал, куда пошёл. Это Андрюша пёрнул *(ржёт)*. Самый-самый... Бабка София, та вообще глаголит – Андрюха был бы здесь, село было бы. И то было бы, и другое, и куры бы не гадили! *(ржёт)* Бабка долго живёт, знает много. Приезжай! Гостиницу подарю. Одну! *(ржёт)* У меня теперя их две, понял! Серьёзно! Завтра перепишу! Давай! И не только бабка София, многие проявляют интерес...

Андрей. Это ты о ком? О Зинаиде, что ли? Вот далась тебе эта старая заезженная история...

Света (замахнувшись). Как дала бы! Заезженная! Кто заезженная!? Зинка!?! Гадость и гавно – это не про неё, понял! Это к ней не липнет, не старайся! Она... она... да если б я была мужиком, а не казачкой долбанной, я бы...

А сам то!? Сколько лет в ресторан её зовёшь!? (*злорадно смеётся*) А чего ей сам не звонишь? Бздишь? Правильно делаешь. Она здесь, через три дома, сходил бы и позвал сам... куда надо.

Андрей. Как здесь? В отцовском доме, что ли?

Света. Да уж третий год... Отца её инсульт... того, она и выхаживает его. Тётка ей помогает. Довожу до сведенья. Зинаида Фёдоровна работает шеф-поваром в моём кабаке. Года два уже. Таких поваров поискать надо, весь город у меня кормится. И всё она – Зинка. Два дня, как отгул взяла, что-то там с отцом... или готовится к ресторану! (*ржёт*). Праздник национальный, е... нать! Андрюша приехал!.. Знаешь, чё я ей недавно сказала?! Сказать?

Андрей. Хочешь – скажи, не хочешь – не говори.

Света. Ох, етишь-ты разьетишь! Понтовые мы какие! Выдержанные! (*пауза*) А сказала я ей: пошли ты его... в другу область! А можно и дальше... Да! Да! Специально работать к себе позвала! Чтоб тебя, уroda, помирить с ней! Так я раз в день прибегаю поглядеть, на неё порадоваться, что такие бабы ещё есть!.. Вы чё, в этот отстой, в «Жемчужину» пойдёте? Давайте ко мне, у меня фирма, и в город переться не надо. Хотя, того, многолетняя традиция... Сходи к ней, давай... Помоги ей, и себе помоги... Я чё, не вижу... Сколько лет ты один кукуешь? Лет пятнадцать?

Андрей. Ну да, около того...

Света. Нравится одному-то?

Андрей. Сойдёт...

Света. Лет двадцать вы в эту «Жемчужину» ходите?

Андрей. В те времена лучший ресторан в городе был. Пятьдесят отцу было.

Света. Ну да. Ещё и Илюху берёшь, типа для отмазки. Мол, это им надо. И обязательная развлекуха – Зинка. Да? А чего так? Не стыдно родственникам шлюху подсовывать? Так ты её тогда приложил? Знаем, слышали! И не я одна...

Андрей (*спокойно*). Чего-то от меня все хотят, и никак не пойму чего. Ты хочешь, чтоб я изменил своё отношение к ней? Хочешь, чтоб я покаялся? Только в чём мне каяться?.. Хочешь, чтоб я её в ресторан, как ты говоришь «для развлекухи» не приглашал? Могу, всё это я могу... Только покаяться не смогу... Она сама мне в лицо, причём без горечи и нервоза, сказала, что переспала с тем... А потом добавила: и с тем... Дальше я слушать не стал, заткнул её в достаточно грубой форме (о чём до сих пор сильно жалею. Я про форму). Всё. А ресторанная история случайная. А может, не знаю... В общем, встретили её в ресторане, когда праздновали отцовское пятидесятилетие, пригласили к столику. Танцевали, пригласила потанцевать отца, Илюху, меня. Смеялись, шутили... Я диву давался – будто ничего и не было. Лучший вечер в жизни, по версии отца. Решили и постановили – делать это каждый год, первого августа, вот такой компанией. Но получается раз в два-три года, каждый год мне сложно. Вчера по просьбе отца попросил Илью позвонить ей, позвать на традиционную встречу. Чего ещё? Хочешь помирить нас? Мы не ругались. Что ещё?

Света. И Илюха сказал, что она согласилась?

Андрей. Вроде да, а что не так? Что-то с Илюхой?

Света. А ты типа не знал, что он все эти годы достаёт её, и как... Знал ведь?

Андрей. Знал. Видел... И что? Он вольный казак. А она...

Света. Мудак он, а не казак. Бычара. Ни одну тёлку не пропустит. Узнаю, что обидел её, убью погань.

Андрей. Почему обидел? Может, у них взаимно.

Света (*замахнувшись*). Врезать или на потом отложить?! Это же Зинка! Может – не может! Не может она херни сотворить! Потому что, Андрюх, это же Зинка... Слышишь, Зинка!.. Которая с первого класса по пятам за тобой ходила... Андрюш, ты умный мужик, душевный, а вот ни хрена в бабах не сечёшь. Она же на себя наговорила, что у неё с Коляном, другом твоим, и с этим кугутом хуторским, было. А чё ты у них не спросил? У друзей своих? Нельзя? Мужик! А её шлюхой так, что вся улица слышала, можно?.. Она наговорила на себя, чтобы не держать тебя здесь. Ей восемнадцать всего было, Андрюш, восемнадцать, а ты такой понтовый из Питера: как вы тут живёте, срань кругом, да я здесь дышать не могу... А мы, раззявив рты, кушали. Да-да-да, и не одну ночь. Мы же все пять лет, всё лето за столом беседы вели, когда ты приезжал на каникулы. Говорил ты, а мы слушали. И диву давались. Вона чё есть!.. Ты был для нас... Ты же домой приезжал и сразу к ней... Я-то это видела, да и всё село видело, и... Я от радости задыхалась, глядячи на вас. Так, что про себя на хрен навсегда забыла!.. Зинка, Зинка, дура, решила, что она со своей этой приставучестью помеха тебе, вот эту хрень тебе и залепила. Я год тому назад об этом узнала, даже приехать хотела к тебе в Питер. С сюрпризом! Чего-то мы в кабаке у меня праздновали, покушали крепко, я и выпытала у неё. Всегда знала, всегда, что-то не то!.. Ей тридцать восьмой, дуре, а она всё в девках... Да и херня всё это – девка, не девка... Прости, братишка, у меня, старой дуры, такая везуха. У меня такая подруга... Ты, братец, просрал такое... За это, мать—перемать, в тюрьму надо сажать!

Матюшкой мне нельзя! Бизнесумен я! Да и с дядькой слово дали бабке Софии – не материться. Всю жизнь матерились, и вот два месяца как махры-хреновые. Вместо б... бррр. Оп-ро-сто-во-ло-сит-ся! Ну ты понял, какое должно быть слово... Чё смотришь? Нравлюсь?

Андрей (*целует*). Всегда и во всём... Всё тебе идёт.

Света. Поняла, кому всё к лицу. Варька рассказывает тебе о Зинке? Вижу, рассказывает. Они каждое лето не разлей вода. Ты молоток, что сюда её сызмальства привозишь. О тебе Варька мне рассказала, но только мне.

Андрей. Ну, она много чего рассказывает. И правда хорошо, что она здесь часто бывает. Очень хорошо. Спасибо тебе... Через неделю будет. Ну вот, живу, и правильно, что один... В смысле, с Варькой одни. Это нам трудно далось... А ещё одну женщину, другую – шумную, тихую, нежную, люблю – я бы не осилил.

Света (*ржёт*). Вот оно. Отрок, истинно глаголешь! Как наш дядька Кирыяк говорит. И я такая же. Никого, никогда на дух не нужно. Но ты не поэтому один. Из-за паскудника этого, из-за Ильи... Не пи... не пиши мне писем, брат! Ты, брат, совершаешь самую большую гнусь в своей жизни.

Андрей. Дядька что-то не показывается. Не хворает?

Света. Ты чё! Меня бздит, потому и не кажется! Я его главный спонсор и, что для него гаже – главный надзиратель! (*ржёт*) Тьфу-тьфу-тьфу, не поминай. Сразу появляется, как этот, как его... ну этот из ступки?

Андрей. Ой, да там много разных в этой ступке-то.

Света (*ржёт*). Хорошо шутишь, хвалю, не разучился. Обожаю шутников-шухарей! Вот если б кто со мной так шутканул, сразу бы труссы кружевные ему подарила (*ржёт*). За Варьку-дочь – отдельное спасибо. Из лучших, коллекционных наших людей. Такой коктейль тебя и бати, и, как ни странно, Зинки... Вкусный, бррр!.. (*ржёт*)

Варька не из болтливых, это я клешнями из неё вытягивала... Что? Часто накатывает?

Андрей. Нет... Раз в году, осенью, на недельку так.

Света. У-у-у... Это... и как давно?

Андрей. Лет семь, но ощутимо где-то года три. Да, так где-то... Ты, это...

Света (*гневно шипя*). Мне надо знать, понял? Это как у деда, да? Убегаешь или ещё нет?

Андрей. Чтоб так, нет. Но порывался, это было. Но терплю. И подвываю... слегка. Второй год в больницу ложусь по осени на недельку. Проколюсь... *(смеётся)* чё ты смотришь?

Света. О как смешно, так смешно... Чуяла, и не одна я. В прошлый твой приезд глаза стал прятать от мамки, от меня. Помнишь? Мамка сразу за рентгеном – бабку Софию позвала...

Андрей. Просканировала до пят...

Света. Ты чё! Бабка уникам, видит как это... Эмерте. Мы у неё постоянные клиенты, я, Зинка, мамка. Народу прорва, но пришлых не принимает, только своих. Говорит, кого знаю – тому помогу. Чё сказала тогда?

Андрей. Сейчас вспомню... А, вспомнил. Сказала – будь здоров *(смеётся)*.

Света *(замахнувшись)*. Дурак ты, б...! Бррр. Я серьёзно!

Андрей. Ну про что ты спрашиваешь, Свет? Про это никто ничего не знает. Никто. Про то, что в ней, в голове.

Света. Верно глаголишь. Про жопу не могут разобраться, а уж про энто... *(ржёт)*

Андрей. Не говори. Спасибо, сестрёнка. Малоприятная штука, но не смертельная. Будем жить и радоваться жизни, обещаю торжественно.

Света. Хорошо. Смотри, гад! Обещание дал! *(обнимает)* Убью гада!

Андрей. Я, это... сам хотел поговорить с тобой. Психолог настоял, чтобы я про это больше узнал, выговаривался. Ну, про то, как у деда это протекало. Психолог... Поняла? У меня теперь свой психолог, и он говорит, чтоб я, того, не боялся про это говорить и интересоваться. Сам помню мало. Но вой до сих пор помню, даже слышу иногда. В классе первом, втором у бабы Мани нашей спросил: А что это, кто это там воет? Волки, говорит, ночами бродят. Не ходи ночью со двора, не смей.

Света. И мне эту же бодягу впаривала. Я-то своими глазами видела, и не раз, как он из двора убежал. Как зверь какой-то. Так нагнется, рот себе заткнет. Знаешь, так страшно было. Улица наша тогда последней была, дальше виноградники и поля. Хоть тут ему везуха, было куда бежать. Я так плакала, когда слышала это, за него просто убивалась, что дед, мой дед так вот... уфф... Всё время теперь, ети его, об этом думаю. Ух, просто сдыхаю, когда мои страдают. И глаза вот твои. Тебе его глаза, и не только глаза, достались вот.

Андрей. Ты же с отцом и с дядькой Костей была, когда нашли его?

Света. В который раз ты меня про это пытаешь! Говорю тебе, я им слово дала – про это никому, никогда!

Андрей. Не кричи. Народ сбежится. Дядька помер, отец поймёт. Ты же мне помочь хочешь. Давай помогай. Мне надо, так давай расскажи, может, что сгодится...

Света *(шипит)*. Врезать?! Чё сгодится!? Чё мелешь?!

Андрей *(наливая ей и себе)*. Свет, а Свет... Свет мой солнышко, скажи, да всю правду расскажи...

Света *(рыдая)*. Бууу! Бууу! За что?! За что!? За что б... така?!.. Что за бляха! Налей, ети его *(то ли плачет, то ли смеётся, затем выпили)*. Батя с Илюхой припухли там. Да знают-знают они, что к тебе эта дедовская зараза пристала. Мать им разболтала... Ох, Андрюха, Андрюха... *(большая пауза)* Он таку себе нору в скирде сделал, ноги наружу торчали, и сено вокруг всё в кровище, и в руке разжатой... пальцы такие, бело-сизые... серп лежал. Серпы эти видеть, потом не могла, собрала и в колодец всё побросала... Я керосинку держала, а батя с дядькой тащили его из дыры. И дальше не помню, скапустилась, в телеге пришла в себя, и он, накрытый мешком, рядом... Надо, Андрюха, к хорошим врачам за границу. Слушай и не перебивай! Мы с Варькой в интернете нашли клинику в Швейцарии. Всё, всё, не пыли! Денег у меня навалом. Хочешь знать сколько? С девяносто третьего года, стало быть, это, за девять лет, заработала бывший секретарь парткома села Раздольное до хрена и больше! *(перешла на шёпот)* Семнадцать миллионов... Кого? Евро. Как? А так! Бизнес расширяла и укрупняла. В трёх

районах бизнес, не токмо здесь. Сечёшь, какого размаха я деятель? Всех покупаю и продаю. Остохерело это паскудство, чё творится. Попомни, всему этому скоро пипец, и какой! Но я всё ради одного. Проект века хочу осуществить!.. С дядькой поделилась, говорит, дело стоящее. В танец пустился, блудить обещал бросить. Я воспрепятствовала. Говорю, зачашнешь, блуди на здоровье! Семьдесят восьмой год, по курортницам токмо так, молодые не угонятся.

Хочу... Даже не «хочу», а уже начало положено... Снесу эти две пришлые, кугутские улицы, которые за тридцать лет выросли перед нашим домом – верну землю и насажаю десять гектаров саженцев винограда, как раньше... Сорок восемь домов снесу к ...бениной маме. Представляешь, какой кураж?! Хозяева этих домов не наш народ, пришлые. Большинство уболтала, новые их дома с видом на море и земля там, та самая для их нужд. Помнишь у верхнего хутора третьё отделение совхоза? Лесополосу? Красоту эту охрененную выкорчевали. Лесополоса – два км акации, помнишь? Пятидесятилетние деревья! Месяц сносили. Подъезжала, смотрела, наревуся как... брррр!

Андрей. Я на велике сено туда косить ездил много годов... Там отменные поля суданки были, а тюльпаны в мае, помнишь, какие?..

Света. Всё! Теперь ни акации, ни тюльпанов, ни полей. Пустыня, мать её. Голова от всего этого взрывается. Налей немножко (*вытила*). И я, тварь подколодная, купила пятьдесят участков, два лимона за десять соток, это... сто лимонов. Чтоб за такую цену купить надо такую взятку отвалить... Впервой такую. Ужас как оборзели! Хозяев более двадцати уже и проекты себе выбрали. Всё это мне выйдет в десять лимонов (*шёпотом*) евро, максимум. Петрика этим занимается. Хочешь этим руководить? Хочь завтра начинай? Чё тебя там в Питере держит? Водоканал! Давай... Мне, знаешь, какая радость будет... Порадуй меня, братишка?

Андрей. Давай попозже об этом поговорим. Зуд у меня, должен сказать, появился, это точно.

Света. Вот! Е... нать! Как я! А! Батя, дядька, мамка, баба София всё тоскует по тем временам. Радость отняли, утро отняли, вечер, песни, луну, лиман, вино... говно. Всё отняли!!! Я обещаю тебе, через пять лет перед нашим домом будут виноградники. Причём посадочный материал – Франция! (*вскочила и заходила*) Но вот почему? Почему?! Прошлым летом с Зинаидой, заметь, с Зинаидой Фёдоровной по Провансу и Тоскане на авто... Ты чё, это же сказка! Мы взяли авто с шофёром и бениным переводчиком. Дней на пятнадцать. По десяти Шато как вдарили экскурс, восторг! Шато, знаешь чё?

Андрей. Ну да, знаю...

Света. Ёшкин кот! Никто ничего – дома, заборы, сараи, деревья – нигде ни на вот столько не трогают и не рушат! Всё старое, особо древнее лелеют и берегут! Красотище! Реклама всюду, виноградную лозу везде продают... А-а-а! Я Варьке видео показала и просила тебе не говорить! А, поэтому ты... Варька молоток! Я ж сюрприз тебе делала... А земля там в Провансе ну один в один наша, супесь с галькой. Такая же галька, серенькая, не булыжники, а такая как наша – средненька така... Вот теперь я всё знаю, там, места, где надо брать лозу, нужную... Брат, не смотри на меня так! Б... ррррр буду! Всё сделаю, чтоб ты жил и радовался. Ох, Зинка, Зинка... Во Франции, дура, не Францией любовалась, а всё про тебя выпытывала. Расскажи да покажи это, расскажи то... Смотри, у него здесь седой волос... Высаживала даже из машины эту... Достала!

Верни её, она ждёт... Не бойся. А тебе такая будет подмога, Андрюх, ты её не знаешь по-настоящему. Илюха-урод сохнет по ней, и так по-уродски, тварь, а она всё его успокаивает. Я глаза его, бррррр, видеть не могу... Привязывается, мы на море, он за нами, мы бухать, он тут как тут. Приставал к ней, и не раз... Я ему так по сусалам пару раз задвигала. У нас с ней моцион с июня по середину ноября – ежевечерний заплыв, а Петрика... Ты Петрику, грека, помнишь? Одноклассник мой! Так этот греченок у меня главный администратор и компаньон, вот так. (*тихо*) Но не её! Это принципиально. Ой, хорошо, налей ещё (*вытила*). С тобой выпи-

вать ништяк!.. Петрика на берегу расставляет кресла, столик, естественно, вино, мангал, шашлыки, музон. И мы с ней, никому на хрен не нужные местечковые сирены, совершаем заплыв до второго меляка. Это с километр где-то, да? *(смотрит в телефон)* Чё-то её давно в телефоне нет... Уф! До чего ж ты мне люб, казак!.. Да... *(помолчали)* Заволокло чё-то, штормить будет. И хрен с ним. Мы дома и нам хорошо! Да! Посмотри на меня. Хорошо смотришь. Глаза смеются, это очень хорошо *(орёт)*. Эй, вы там, диверсанты! Давай сюда!

Андрюш, смотри на меня. Илюху в ресторан не берите, не надо. Он, я не знаю, но он тварь, что-то натворил... Я это выясню. Идите с отцом и Зинкой, если придёт. Что-то нехорошее было, не знаю. Надо дядьку колоть, чё-то видел он, знает чё-то...

Андрей. С Ильёй, и правда, не того, какой-то дёрганный... Пойдём с нами, вместе посидим, посмотрим. Да я и сам давно хотел поговорить с ней, но вот видишь, как оно бывает. Подозревал, было такое, подозревал, что она наговорила на себя, но выяснять и спрашивать не стал. Да из-за Ильи... Приезжая, видел. Я порывался было это сделать, спросить, но Илья... Илья не давал мне этой возможности. Я пытался что-то спросить у неё, мне отвечал он, затыкал меня, драться пару раз порывался. Я и спасовал, точнее, жалко мне его стало... А Зина... Понимаешь, какая штука... Была, была и не одна ситуация, возможность... Но молчала или отводила глаза. А я понимал это по-своему. Я уехал, понимаешь, а они здесь живут, видят друг друга, общаются. Негоже мне было мешать.

Вырываясь от Ильи – босой, расхристанный, в казацких шароварах с лампасами и с шашкой наперевес вваливается дядька Кирьяк.

Кирьяк. Семейка, вашу мать! *(шипит на Илью)* Изыди, нечистая!.. О-о-о! Мадам спонсор, звиняйте! Не осведомлён, что и вы тут. Эхма, родная! Иди сюда! *(оседлав шашку, пустился в танец по кругу в собственном остервенело-музыкальном сопровождении)*

Ты лети с дороги, птица,
Зверь с дороги уходи.
Видишь, облако кружится,
Кони мчатся впереди.
Эх, тачанка – ростовчанка,
Наша гордость и краса,
Конармейская тачанка!
Все четыре колеса!

(в конце танца упал на задницу, задрал босые ноги)

Света. Bravo! *(свистит по-мужски)* А на бис? Слабо!?

Кирьяк *(лёжа на земле)*. Мадам племянница, для вас и для вашего ближайшего окружения готов хоть до ус... ну вы меня понимаете. А для... Увольте, бисер перед свиньями метать...

Илья. Ты чё катишь?! Кто это свинья-то?.. Ты того, не заговаривайся.

Андрей. Илюш, Илюш? Чего ты так? *(поднимая с земли за руку дядьку)* Здорово, дядька *(крепко обнялись)*

Кирьяк *(плачет)*. Андрюш, Андрюш... Андрюш... Андрюш

Племяш... Племяш... Племяш... Племяш

За что?.. за что?.. за что?.. за что?

Ты редко посещаешь нас...

Света. Дядька, живи вечно! Иди сюда, ко мне садись *(Илье)* А ты! *(грозит пальцем)*
Прибью к...

Илья. Чего!? Чё за наезды? Пошли вы...

Кирьяк *(подойдя вплотную лицо в лицо, резко и громко)*. Веди себя пристойно! Не можешь жить среди людей? Иди в стойло и сдохни там! *(К Андрею, всплеснув руками в полутанце)* Вот так мы и отдыхаем, племяш! Вот так стоял бы и смотрел на тебя. Можно я тебя? Хм-м-м-м *(долго гладит Андрея по голове)*

Андрей. От ты меня... Вот не позволяю дать себе слабинку, а ты...

Кирьяк. Дурила! Я ради этого и живу, чтобы слабости свои ублажать! И провоцировать их у приличных людей! А слабостей у меня... *(кричит в небо)* Слава создателю, навалом! Приличных людей, к сожалению, ничтожно мало. Вынужден заикнуться на собственной персоне *(ходит по кругу, распахнув руки)* Хвала Мне! Это я у римских императоров перенял.

Илья. Вот чё несёт *(смеётся без поддержки окружающих)*

Кирьяк. Пошёл в стойло! *(долго смотрит на Илью)*

Илья *(поднимаясь)*. Смотри, нарвёшься...

Кирьяк *(кричит)*. Давай! Покажи себя во всей красе! Разбей и мне башку! Давай!

Света. Дядька! Всё! Оба! Барьер! Дядька, сидай ко мне. Не нашей выпьем.

Кирьяк. Андрюш, сестра твоя, светоч моих глаз. *(К Свете)* Кто ты, скажи?

Света. Большая сука?

Кирьяк. Мадам племянница, до моего отчаянья и цинизма вам пердеть и пердеть! Ну зачем так про сэбя? Это почётное звание зарабатывают десятилетиями, служа партии коммунистов, а вы пробьили там в этой шараге с гулькин нос. Нахапали, безусловно, прилично. Знаем! Помните все, история пишется! Но хорошо, что вы хапанули, очень хорошо. Потому что вы потратите и используете это на благо страждущих и жаждущих. Ваша доброта – ваш крест, мадам. Андрюш, давай сперва за неё, согласен? Костюмчик ничё? Этот реквизит к твоему приезду. Нарядился... Экспромт называется «вырождение казачества»! Пришелся, нет?

Андрей. Ещё как. Любой твой экспромт – бальзам на сердце. Давай за Светулю. Хотя сегодня есть более значительный повод, совместим? Или по отдельности?

Кирьяк. Не надо, не надо. Я пропил многое, друг мой, перечислять долго и нудно. Но память, как ни стараюсь, пропить не удаётся. Свет моих очей! *(вытил, затем становится на колени перед Филиппом)*

Филипп. Брат, того, пощади. Ну чё... говорил вам, пошли. Ну теперя всё, поздно. Кончай меня *(все смеются)*

Кирьяк. Брат! В это день... *(закрыв лицо руками затем через паузу, вытирает якобы скатившуюся слезу)* В этот день с утра, каков бы я не был, вчерашний, сегодняшний, неспавший, оху... извиняйте, Софие Смутьяновне со Светом моих очей слово дали – не употреблять *(страшно артикулируя)* не-нор-ма-тив-ную лек-си-ку! Фу! Второй месяц креплюсь! Ну не передать вам, б... ба-бу-бы, как это трудно! Создатель, ты видишь мои муки! Призываю всех присутствующих, не давайте никогда никому слово! Потом вы его просто на ху-хе-ху... не найдёте! Никогда!! Лучше сразу отрежьте... ху-хе-ху! И так смачно положите его на стол вместо слова! *(Смех, аплодисменты)* Брату моему налейте чего-нибудь!

Благодарствую. Брат, я тебя сильно, того... счас слово найду. Сму-ща-ю?

Филипп *(потупив голову, сдерживая смех)*. Так чё ж теперя, руби...

Кирьяк. Скажешь тоже! Я курям голову не могу, а тут родному брату. Хотя иногда... *(патетично)* В этот первый августовский день я рассказываю стране истории о том, как ты появился на свет. И этих историй... сейчас, сейчас, со счёту сбился... о-ху-хе как много, и все они очень сильно разнятся, и не потому что я пи... звиняйте, опять, бре-хун несусветный, а только потому что в этот день я вспоминаю подробности, которые я упустил в прошлый раз *(смех, аплодисменты. Один Илья сидит за столом, не реагируя)*. В день его явления было жуткое марево, солнце, как и сегодня, заволкло, и вдруг кони стали дико ржать, куры кудахтать, а свиньи рыдать *(смех)*. Семилетний я в бостоновых трусах и в мамкиных туфлях изображал царичу плодородия... *(фамилию её, ммм, забыл)* Прося у небес послать мне сестрёнку. Потому что у меня уже был старший братишка *(ныне покойный)* Константин, который так меня пи... пи... пи, и рисовал что-то неприличное у меня на лбу химическим карандашом, всё время его слюнявя... *(смех, Филипп сидит на полу схватившись за голову)* Но эта греческая нечуткая пи... ох, твою... ца-ри-ца или не услышала, а у неё были проблемы со слухом и серьёзные

проблемы с характером и, как утверждают историки, и прочая ху... не-чи-сть! В связи с выше-изложенным, о характере этой б... ца-ри-цы... Она решила нашему славному казацкому роду устроить подлянку, точнее, даже не роду, а адресно – лично вашему покорному слуге. Послав нам ещё одно дитя мужского полу. Я не буду описывать, что претерпела моя семилетняя сущность, скажу одно – от негодования я... обоссался, причём прилично, и чуть не обо... ка-кал-ся, за что бабкой Матрёной был отпи-пи-пи... и отправлен на поселение в сарай... Сograждане, казаки, вашу... эту! Я не утомил вас!?

(свист, улюлюканье, аплодисменты)

Света, Андрей. Ещё! Давай! Вжарь, дядька!

Кирьяк. Спустя месяц мне было дозволено подойти к люльке, причём моей бывшей люльке, в которой я хранил тару... (больное, звиняйте) Конечно же, игрушки, свои незабвенные игрушки, бутылочку с соской, грузило от настенных часов, деревянный паровоз, сделанный и разукрашенный моим отцом, и много разной ху... вся-чи-ны! Создатель даровал мне редкую память, помню всё, что было в детстве лет с пяти-шести. И представьте, что я увидел в люльке? Что-то зелёно-розово-синюшнее пускало пузыри и шевелило шупальцами. Мне стало страшно, что-то подобное я видел в своих кошмарах, и вот оно явилось наяву. Я замкнулся в себе на долгие годы. Спасло меня от этой замкнутости явление в образе нагой бабы, то есть жен-щи-ны, стоящей в корыте в соседнем огороде...

Мне было явление и мне было тринадцать. Свершилось! Вернёмся к нашему виновнику торжества... А иде он? Утёк?.. Не, вон, в сторонку отошёл, чтоб не прилетело. Он рос, насчёт мужал не помню, но зримо добрел и мудрел, в отличие от некоторых шелкопёров. Краткое пояснение – шелкопёр это тот, кто шелковицу... пёр *(смех)* Сегодня ему семьдесят! Редкий казак доживает до таких лет, в силу того, что он не только казак, но и му... муж! И сие есть правда! Наш юбиляр не казак, а... *(Филипп трясётся, с трудом удерживая смех)* Не казак, а редкая, уникальная особь вроде мужского пола! Слава Филиппу Тишайшему! *(все хлопают, Филипп махнул рукой в сторону брата. Кирьяк, подходя к брату)*

Кирьяк. Вчера я, готовя речь, совершил три греха. Не выпивал, никого не употребил, и самое неприемлемое для меня – сосредотачивался! Ель её мать! Но по-заученному не идёт, поэтому нес эту хре-но-тень! Прости, что мало! Дай обниму, брат *(обнялись надолго)*

Света. Дядька, живи долго! Иди ко мне целоваться!

Кирьяк. Доведёшь до греха... Хотя кровосмешение этому роду не помешало бы. Гляди, как некоторые ошетинились. Во как! Не поняли?! Или не приняли?!

Илья. Да мы поняли! Давно тебя поняли. Дурака нашёл, не поняли... Хрена не понять. Это для них вот ты типа умный...

Света *(подойдя)*. Ещё слово скажешь, заткну навсегда.

Кирьяк. Свет моих очей, погоди, мне надо с этим пошептать... *(к Илье)* Как тебя?.. Имени твоего не помню.

Илья. Чего?

Кирьяк *(резко и надолго припал к уху Ильи, затем отпрянув долго, пытливо смотрят друг на друга)*. Теперича давай, иди...

Илья медленно пошёл со двора, оглядываясь на Кирьяка.

Андрей. Илюш, ты куда? Что происходит-то? Илюш, так мы идём или нет?

Илья, не ответив, ушёл.

Света. Дядька, чё счас было?

Кирьяк. Терапия. Диагноз ему поставил и доктора посоветовал. Пошёл лечиться...

Света. Что-то знаешь... Знаю, что не скажешь. Это плохо. Пытать не буду, но налить – налью и сама выпью.

Филипп. Вы это, не трогайте его. Пусть он, того, хоть и того, но сами, того... Нельзя... Он наш. Кирюх, не зли его, не надо.

Кирьяк. Ты здесь. Я думал, ты у кролей... Не бойсь, Филя. Давайте за моего брата, умудрившегося сохранить в семьдесят лет ум и чистоту семилетнего ребёнка. За брата. Тебе не передать, как мне приятно называть тебя братом!.. Филя, живи долго! (*вытили*)

Света. Твою – раствою! Душа, как старая гармошка, одни б... rrr... ошмётки остались! Вот и ору, батя! Вы, того, идите... Устроили мы тебе праздник, отец, извиняй.

Филипп. Чё ты, дочь, так? Чё ты... Вон дядька твой правильно говорит, сходи с кролями поговори, особливо с Пашей. Помнишь, который Пашка? Самый большой, уши таки метровые по клетки стелются. Старый, бедняга, а умный, двадцать шесть годов ему. Живут они пятнадцать, восемнадцать от силы, а Пашка двадцать шесть, долгожитель. Это, Андрюх, Варвара в прошлом годе читала мне в вашем этом – помер в Шотландии самый старый кроль, было ему 25, а Пашке стало быть 26. Ты только того, поговори с Пашей по-настоящему так. Пашке подольше в глаза посмотри и руку к носу приложи, всё пройдёт. Андрюх, мы пойдём аль как? Кирюш, пошли с нами, чё ли?

Кирьяк. Риск на себя берёшь, братан? Не... Характер не позволяет рестораны посещать. Проще – буйство нрава. Все мои сроки и приводы после ресторанов были. Племянница, а может?..

Света. Не-не-не! Ему только в мой можно, там к нему приставлена... Вы давай идите, и это, Илью с собой не зовите, ни-ни-ни. Зинке того, эсемеску написала, может, подойдёт. Не отвечает. Где она... Я пошла бы, настрой ху... Пло-хой, туды его! (*ржёт*) Дядька, как ты справляешься!

Кирьяк. Ху... Хо-ро-шо!

Андрей. Дядь Кирюш, ну пошли с нами, я буду твои порывы сдерживать, пошли.

Кирьяк и Света хором заржали.

Света. Нет, братик! Эти порывы после пятой, может сдержат только... (*незаметно в стороне появилась бабка София – маленькая женищина неопределённого возраста*) О! Надо ж, легка на помине! Вот! Вот, кто точно может сдержат эти порывы. Я права, дядька?

Кирьяк. Сечёшь! Мандалайка. Это не мат, ни ни-ни, это такая национальность – мандалайцы. Произошли из ман... ман-да-кур-дайки (*смеётся*) Радость моя! Уф. У меня сёдни были попытки матюшком пройтись, но я достойно их купировал. София Смутьяновна! Давно лицезреем моё выступление?

София. Эдак годков семьдесят. (*пошла к Андрею*) Андрюша, солнце моё, здравствуй.

(*долго смотрит в глаза*) Давай, идите по делам. Хорошо у тебя всё будет... Теперь я промашки не дам, все про то знаю. Идите, прослежу (*целует глаза*)

Иди, Кирюш, иди с ними, не бойсь. Я пошепчу...

Кирьяк. Это обнадеживает. Но, красавица моя, есть желание этим южным вечером с вами по... (*и завис*) Попалась? Глаз-то того!.. Увы... Я хотел сказать – побыть с вами, а?

Света. Ну вот, не гад ли ползучий. Жила бы здесь и чахла. Всё, едем! Не могу больше...

Филипп, Андрей и Света ушли.

София. Так вот не... топтанной и уйду...

Кирьяк. А ты покажь, подумая...

София. Да, боюсь, того, ослепнешь.

Кирьяк (*хе-хе-хе*). Керосину чё-то не стало... Надо в город ехать. При керосиновой лампе хорошо вечерами сидится на лимане, на бревне. Сколько этому бревну? Да не про себя я...

София. Керосин в сарае-то у меня есть, полканистры.

Кирьяк. Сарай то твой...

София. Так и лампа моя. Ты лет двадцать как её спёр. При-ватизи-ровал, и всё.

Кирьяк (*смеётся*). Точно? Надо же, а я так в полном убеждении, что это моя лампа. Так похоже на мою. Ой, расстроила ты меня.

Пойдём за лампой, одолжу у тебя керосину, отведу тебя на лиман, и там...

София. Не пойдёт. Только после венчания. Тринадцать мне было, с мамкой на подводе летом, такая жарница была, в Новороссийск к родственникам ехали. Лошадка такая малая, еле шла, часов пять этак ехали. Приехали, на ногах не стоим и сразу в церкву пошли, сестра мамкина Лиза венчалась. Красивше картины в жизни не видала. Стало быть, восемьдесят лет мечтаю.

Кирыак. И чего? Что мешало мечту-то воплотить?

София. Не что, а кто. Принц один... Всё занят...

Кирыак. Девица-красавица, а сколько годков тебе?

София (*детским голосом*). Девяносто три.

Кирыак. Ну вот. Неравный брак. А мне семьдесят семь...

София. Семьдесят восемь будет, через два месяца.

(*тихо и долго смеются*)

Кирыак. Твоя взяла, пошли за лампой.

Сильно задул ветер и загромыхало.

София (*тихонько застонала*). Ммммм... Море, море плачет-то как... А август токо начался...

2 АКТ

Тот же двор. Вечер следующего дня. Филипп на извечном месте, правда, рубаха другая, поношенная, в клеточку. Рисует что-то на картонке (многолетняя привычка собирать коробки из под обуви, посылок, продуктов. Затем, разрезая, их складывает. Картонок этих на много лет. И сейчас что-то рисует и чертит. И привычно быстро убирает при появлении кого-либо).

С кастрюлей и миской в руках появилась Надя. Постояла, подумав, и села поодаль от Филиппа. Протерев стол, высыпала гречку и начала перебирать... Долгое, привычно-тягостное молчание...

Филипп (вздыхнув несколько раз). Давай подмогну...

Надя (тихо, трагично). Подмог уже, так подмог... Жену завсегда душой выставлять, вот главная твоя подмога. Пятьдесят, пятьдесят годов издеваются, теперича новая у них забава – Илюшку дураком делать. Из-за этой сучки. Сына своего... И кто? Отец, брат да дядька. *(тихо взвыла)* Дядька этот, хриstopродавец, развратник и каторжник, которого гнать надо отовсюду, а они вона как, хвалебную ему с утра до вечера поют, просят, хлопают, чтоб потрепался. Ненавижу, ненавижу всю вашу родовую... Давление из-за вашей проклятой родовой скачет, сердце трепыхается, а они всё развлекаются, по ресторанам ходят с проститутками. И смеются над людьми, не похожими на них. Посмеётесь, недолго осталось мне это слышать... Господь слышит мои молитвы, он пошлёт на вас, ой, непременно пошлёт...

Филипп *(встал)*. Пойду, кролей покормлю.

Надя *(орёт)*. Кролей! Кур! Индюков! Приблудков! Уродов! Всех кормит! А жену, родную жену, травит! А всех других кормит, поит! *(заилась)* Пропадите! Пропадите пропадом!.. Всей своей родовой! *(убежала)*

Филипп долго неподвижно сидит, затем, оглянувшись в сторону ушедшей, вытаскивает из под стола свою картонку и стал что-то рисовать. Входит Андрей. Филипп прodelьывает знакомую процедуру, пряча картонку.

Андрей. Пронесло?

Филипп. Ну... Разбудили, чё ли?

Андрей. Да не, я в огороде был. Па, всё, давай... Всё это уже совсем, даже плохо. Давай, поехали ко мне. Места навалом, у тебя там своя комната. Давай, пап... Это всё, уф... Я, правда, не знал, что совсем так худо, ну побережёт бы ты себя. Мне сильно поможешь, правда. Переживать не буду. А то мне эти переживания, знаешь... Да, мать... Матери нашей одной лучше, не знаю, наверно, лучше, раздражителей не будет. Приезжаю в три года раз и слышу такое, оторопь берёт, серьёзно. И дальше только хуже. Трудно в этом во всем жить. Хочу понять и не понимаю. А ведь жил и сколько жил. Пап, покой нужен, особенно в старости, понимаешь?... Давай, поехали. Тебе собраться – раз плюнуть.

Филипп. Куда ехать? Ты чё... Не, Андрюх, ты, того... Она же тоже... У неё тоже есть эта... Блажит. Ничё, привык, чё теперь... Войну, вон, люди, такую войну пережили, а это шелуха. Чё осталось-то, потерпим... Оставляй одну негоже. Потом так будешь, что ой-ей-ей. Да и это, хозяйство всё на мне. Ты чё, без меня сразу всех под нож. Не, негоже.

Это, того, поесть сварганить? Принести? Не бойсь, она теперь надолго убежала...

Андрей. Да поел я. Винограду, мускат белый уже поспел... Охохошеньки-хохо... Сколько винограду осталось? Кустов двести?

Филипп. Да, двести двадцать один. Еле отстоял. Филоксера, зараза, много пожрала. А розовый пробовал? Там осталось кустов семь. Там, в углу. Так ты это, того, ели чё, хворь эта найдёт, ты туда в угол, где белый мускат, там настелено сена, фуфайка там в сене...

Андрей. Па, я видел, спасибо. При случае воспользуюсь... Розовый мускат, звучит красиво... Филоксера, зараза. Человек один сказал: жизнь – токсична...

Филипп. Бродя... Ядовита, ага. На мешках писали такое, токсично. Угу. Так это, не знаю, где живет этот твой человек. Чё-то он не того, человек этот. Чё-то не понял. Жить хорошо, много хорошего. Правда, ой как много. А то, что кричать, орать, беситься стали много, так это, как тот чайник – покипел и стих. И море так, и земля так, вулканы эти... Человек-то у них всё и подглядел. Всё так, покипело и устало, значит, и человек так.

Андрей. И перечить нечем. Хорошо мы с тобой вчера погуляли. Часов эдак пять. Темно стало ночью в селе...

Филипп. Пойдёт. В три ночи пришли. Мать того, ждала...

Андрей. Ругалась?

Филипп. Не, ночами она не... Разум имеет.

Зинаида Фёдоровна, того, не пришла. Потанцевали бы... Три года ждёшь танцев энтих... Ты, того, с Ильёй про неё, он, того, пропащий из-за неё. Это, того, Зинаиду Фёдоровну забрал бы отседова. Надо это. Ей особо. Люба же она тебе всегда была, чё ты. Попадёт она в беду.

Андрей. Отец, у меня проблемы есть, разные... А чего ты её по отчеству кличешь? Зина же завсегда была, даже Зинка.

Филипп. Так она при должности теперь, как так, положено. К нам не ходит, давно уж, лет того... не ходит. Илья того, глядит так и говорит худо, да и мать, того... (*озираясь по сторонам*) Илья не даст ей жизни. А она уж больно хорошая, пропадёт... Сын, увози её. Подмогни ей. И ты того, смотришь, и ты того.

Андрей. Хорошо, я поговорю. Времени, пап, много прошло, много всего случилось. Сколько мы вчера твоих оставшихся домов-то насчитали?

Филипп. Двадцать один, стало быть. А было пятьдесят три дома. Много домов снесли. Чё так, незнамо чё. Хорошие дома были, камень какой – песчаник, ракушечник. Лучше камня и не сыскать, тёплый, хорошо тесать, пилить. Малы стали дома им. Нет, вот этот кирпич им люб. Не знаю, веранды им надо, джазузи эти.

Андрей. Джазузи.

Филипп. Ну я говорю – джазузи. Понастроят громилы из кирпича, а живут в летней кухне, в дом и не ходют. А большие строят, чтоб сосед, того, видел и ночами спал плохо.

Андрей (*смеётся*). Смешно и грустно. Лет с четырнадцати я у тебя подсобником был, где-то так. Сколько же я раствору перелопатил за эти годы. Заброс, затирку, всё освоил. До сих пор руки помнят (*показывает жестом как забрасывают*). Так? Ты мне всё говорил – от себя, от себя. Это да, такие дома сносить – это малопонятно... А бассейны какие ты выкапывал, и сколько. Жалко, жалко, когда такая красота, и не нужна.

Филипп. Бассейны-то у многих остались, вода-то до сих пор привозная, нашу так пить и нельзя. Бассейны ещё рабочие, многие латал.

Андрей. А потолок в сельпо – красота-то какая... была. В сельпо заходил, сперва на потолок, а потом по сторонам, мол, это папка мой разрисовал. А теперь нет ни сельпо, ни потолка... Рисуешь все и прячешь? Только Варваре показываешь? И это правильно. Варваре можно всё доверить, и нужно. Дочь у меня правильная деваха... Тебе спасибо. А соседи чего? Рядом и далее. Здороваются как-то квёло. Вчера, когда мы к Светкиной машине шли, мы им здравствуйте, а они так кивнули и промычали. Это ты наказал Светке, чтоб машины подальше от дома ставили?

Филипп. Ну вот потому так и здороваются. Обидели людей, и не токмо соседей, крепко весь народ обидели. Теперь всё будя не то... Всё, чё ни делай теперь, не исправишь ничего... Машину вот такую большую, крикливую, ресторан, магазин, гостиницы... Увидит и всё, серчают. Натворили дел, ох каких дел... Говорил Светке, а этому и говорить без пользы, не надо

много всего, ежели у тебя много, у другого мало будет. Пушай и у других чё-то будет. Будет место свободно, придумают чё-нибудь. Нет – хапают да хапают, надо да надо... Совестно так жить Андрюха, совестно. Из дому никуда глаз и не кажу. А если куда пошёл, фуражку натянул и глаза к долу. Всю жизнь попортили с этой нечистой похабной заразой, худо всё стало... Киря говорил, вродя у вас там порядок аль как?

Андрей. Сложно всё. Но, знаешь, Питер – особый город... Наделали, нахапали, настроили, набезобразничали – всё это есть, но не так, как по всей стране, особенно в столице Родины. Дядька часто ко мне ездит, в отличие от тебя. Всё исходил. Мы с Варькой о таких местах и не слышали, все музеи, архивы все какие-то, и как его пускали... Но он-то всюду пройдёт... Нас пристрастил к походам по музеям. Так вот он, побывав в Питере уж раз сколько, исторический ведь он закончил, такое мне однажды сказал: Питер исторически отторгает всё пошлое и мерзкое. Он прав. Но я после этого свозил его на окраины и его оптимизм поиссяк. Здесь, говорит, не справились. Брат у тебя голова...

Филипп. Ты малой был, на краю улицы ток был, за стадионом...

Андрей. Воробьёв там на зерне сетками ловили, шашлыки делали. Вкуснее жареных семечек. На углу там маслобойня была. Хозяин толстенный такой, Шершень. Он и был похож на шершня.

Филипп (*оживился*). Шершнёв, потому и Шершень. Вот я про его, про Шершня, и толкую. Он лет шестьдесят тому про Кируху молвил – этот фрукт далеко пойдёт, если гниль его не попортит. Мужик с головой был. Вот он шибко много денег делал. Масло – хорошие деньги, мы ему семечки в мешках возили, а он нам масло. Пахучее, аж сейчас, того, запахло. А кака макуха... Конфет не надо. Никто его никогда не корил, по причине, что жил скромно, и если у кого беда – он первый там, и сразу то да то. Так и должно быть, когда у тебя много. Хочь Светка тоже это делает, детский дом содержит. Много делает...

Андрей. В старом таком, большом кресле, такой сельский король всегда у дома своего сидел. В школу мимо его дома. Подзовёт, макухи даст... да... Сейчас семь?

Филипп. Де-то... (*растегнув рукав рубашки*) Девятнадцать часов семь, того, минут. Так вернее. Так давай поесть принесу?

Андрей. Не, пап, спасибо. Дядька не заходил? Что-то хотел мне вчера поведать, да народу много было.

Филипп. Счас прискачет. Надушится и прискачет. У него наблюдательный пункт на чердаке. По лестнице туда и в бинокль зырит, как только увидит – Надюха фартук надела, карманы семечками набила, он тут как тут. Каждый день этот манёвр проделывает. Счас будет. О, вон, слышишь, свистун идёт.

Кирьяк. Ну что!? Семейка, вашу... растого! Опосля утренней разборки живы? Здорово были! Филя, угощай! Патриций после дневных утех проголодался. Чем потчевать будете?

Филипп. Да этими...

Кирьяк. Пиз... хм-хм... Пи-ро-га-ми?

Филипп (*вставая и озираясь*). Ими, ими. Андрюх, ты, того... там початая самогона есть, давай носи.

Андрей. Самогона? Откуда там самогон? Ты про виски, что ли?

Филипп. Ну про него, про это ваше крашенное. Давай, я скоро... (*Кирьяку*) А ты того, ори не громко.

Кирьяк. Чего?! Видал обращение? (*Андрею*) Хотел я с тобой поговорить... Ты, того (пауза) Чего морем брезгуешь? Сезон закрыл? Или ещё не открывал?

Андрей. Да я как папка белокожий, сгорю сразу. Да и плескаться я не очень.

Кирьяк. Мужчины, и примкнувшие к ним старпёры, не плескаться туда ходят, а на товар посмотреть и себя показать. Сейчас самый сенокос. Август, сентябрь. Нерест лучших женских особей, приплывающих в основном из-за Урала. Особи – слегка за сорок. Эти самые отчаян-

ные. Их очень дурно обслуживают на месте проживания и оттого им очень любо наше море и особенно прибрежное, мужское, прямо скажем, небольшое население. Эти изголодавшиеся и недополучившие своё особи остервенело и жадно набрасываются на этих бродяг-самцов и со сладострастием обглаживают их до косточек. Часто ребята, бегая по черноморскому побережью, находят разнообразные кости и, недоумевая, разглядывают их, не подозревая о том, что это их ближайший родственник мужского пола, сгинувший энное количество лет назад... Уф. Топливо кончилось. Филя!! Ёлкин дом! Ну и чё ты там?

Филипп (*появляясь*). Чё орёшь. Вот, просил, того, не орать.

(*Андрей, справляясь со смехом*)

Филипп. Ты чего... Энтот опять чё наплел, стаканы там, залезь туды... Ага, там. Угонитесь, давай, того, поехали (*выпили и закусили. Андрей продолжает бороться со смехом*) Андрюх, ты, того, подавишься. Чё энтот плёл?

Кирьяк. Не этот! А Кирьяк Несравненный!

Филипп. Ну да. Сравнить то не с чем, оттого-то и...

Кирьяк. Молчать, холоп! (*Андрею*) Филипп Тишайший, не смей так говорить со старшими по уму и званию. Картоху чё подогреть не мог! Из холодильника, чё ли?

Филипп. А откедова. Торопил, вот и того.

Андрей. Дядька, тебе писать надо. Пробовал писать?

Кирьяк. Оперу пишу. Опер велел про всех писать.

Филипп. Типун тебе на...

Кирьяк. На член!? Не смей!

Филипп с Андреем залезли под стол.

Кирьяк. Чё там нашли? Покажите?

Филипп (*вылезая*). Кусок этого. Чё ты опера всуе поминаешь. У меня сразу загривок того...

Кирьяк. Скукожился?! У тебя-то отчего? Хотя понятно. Генетическое. Скажу вам прямо, хлопцы, думать и рассуждать о периоде репрессий, гонений и прочей мерзотины так привлекательно и заразно, что не труд, а это стало главным времяпрепровождением нашего славного народа на многие десятилетия. Закончив три университета...

Андрей. Дядька, извиняй, что перебиваю...

Кирьяк. Ничё, давай. Недорослям можно.

Андрей. Угу... Мне помнится только один университет, Ростовский. А два других когда успели?

Кирьяк. Два срока, семь и три, любезный друг мой. Эти два, особенно первый, главные университеты в моей жизни. Многоуважаемый Василь Макарьч Шукшин, (помнишь такого?) в крайне уважаемом мною фильме «Калина красная», это когда он на тракторе целину того, и мужику одному там, селянину, толкует про то, что ежели у него было бы три жизни, первую он отсидел бы в тюрьме (заметь, первую), вторую прожил бы сам, а третью – отдал бы селянину, потому что тот радоваться жизни не умеет. Манифест Шукшина – не крысятничайте и не подлите! Каждый второй на зоне пострадал от борьбы с этим недугом, понимаешь?

Филипп. Давайте за него. Не хватат его... Светла память ему (выпили). Кирюх, помнишь наш старый амбар, тот, что на задворках. Снесли давно, лет тому ой сколько. Когда там не стали скотину, сено, фураж держать, крысы там обосновались. Мать наша всё отца теребила – когда да когда ты его снесёшь. А батя чё-то тянул, и того, часто туда вечерами с лампой повадился... Мы с тобой, помнишь, следом, и через дыры подглядели, чё он там. А крыса такая была мелковатая, полевая, но её было – тьма. Отец заходил, закрывал дверь, брал вилы и с лампой шёл в угол. И там в углу сидел крыс. Большой такой, рыжий. А тьма этой мелкоты так полукругом сидела и чё-то ждала. Не нападала, а ждала, когда он того, подохнет или чё. Отец начинал их вилами давить, а крыса рыжего не трогал, подавит, подавит, закурит...

Кирьяк. Да, Филя, да... За батю... За батю прямо так, б... рrr, до скрежета... Уж слишком велико было это крысиное семейство. Тогда или в партию, или крысятничать. А таким одиночкам, трудягам, да упёртым как батя, которые не хотели ни к кому примыкать – жить было не вмоготу. Завоешь тут. Ой, житуха у них была... Теперешний человек не осилил бы. Разве вон Филька один. Не знаю... Вот б... ммм... Вот гад буду, но не найду в нашем посёлке, бrrr, городского, бrrrr, типа, придумали же, бrrr... Вряд ли найду другую особь тебе в товарищи, братан.

Филипп. Чё мелешь. Тонка кишка моя против тех людей. Неча нам с ними равняться. Разны времена – разны люди. Село всё, окромя этих, партийцев, всё село, мать, отец, в пять уже на ногах были и в поле, трудодни отрабатывать. Сперва на колхоз, а потом на себя. Затемно отец приходил никакой, чё поест и падал. И так до конца дней... Чтoб вот так сидеть да глаголить о том и сём – боже упаси. Мы токмо и делам, чё болтам. Скоко с тобой он говорил за всю жизнь? Помню токмо, ну ты того, делай, ага. Так глухо прохрипит – ага. Всё. Никогда ни с кем не говорил боле двух слов. Мать спросит чё, он – ага. Мать махнёт рукой и пойдёт прочь. Эта штукавина, память, и хорошо и плохо для человека. Всё время вспоминаешь, сличаешь то и это, выматывают...

Кирьяк (*приподнявшись*). Надо же! Ё-моё, чё-то рано твоя... Надо ноги делать.

Филипп. Давай к Пашке. Андрюха, ты, того, тарелки, стаканы. Бутылку, Киря, с собой бери. Хлебушко я вот. Андрюх, это, Киря, погоди (*убежал*)

Андрей, взяв тарелки, шмыганул к себе. Надя, войдя во двор и не обнаружив никого, подошла к двери и позвала.

Надя. Андрюш, ты у себя?

Андрей. Чего, мам?

Надя. Сказать хотела. (*села за стол*) А где отец? У кролей?

Андрей (*выходя*). Наверно. Что случилось, мам?

Надя. Андрюш, ты того... (*тяжело дыша, уронила голову на руки и зашлась в плаче*)

Андрей. Мам... Мам, не надо. Мам...

Надя (*пытаясь говорить*). Не могу, не могу... Андрюша, худо мне, ой как худо. И в церкву ходить не могу... Много лет, ой как много, всё хотела с тобой поговорить. Сеструхе Нинке всё говорю и говорю. Я домой токмо ночевать хожу или сготовить чё. Мне перед тобой и Светкой совестно... И перед малой, перед Варей. Вы приезжаете, мне так совестно, что меня так колотит. Захожу во двор и плохо, трясти начинается. Боюсь. У Нинки сижу – хорошо. И поем, а то посмеёмся, наговоримся. Сюда прихожу и всё, черно. Андрюша, сыночек, прости ты меня Христа ради... Я того, боле сюда, в дом не приду. (*трясётся*) Пятьдесят лет, пятьдесят, и того... Не привыкла и всё... Не люблю. Дети, дети мои держали меня тут. Не хотела я поперва в этот дом идти, прости. Ой как не хотела. Я и того, и плакала, убегала. Через месяц убежала к своим. Те привели меня обратно. Не могла и не могу здесь жить. Уф, уф... Погоди, ты, того, Андрюша, не отец твой виноват, он, ой нет, не виноват отец твой. Всем бы отца такого. Чё-то вот не срослось с самого-самого и всё. Я к бабке Софии сорок лет хожу, спасибо ей, помогала сильно, и помогает. (*резко замолчала, затем длинно выдохнув, продолжила*) Мать твоя, мать всех своих детей шибко любит. Знай это. Но отец ваш... Мужем, мужем так и не смогла его принять... Не, голову не опускай. (*трясёт руками*) Я всё сёдни скажу и пойду. Вот за это мне така болячка. Отцу потом расскажешь, спросит, мол, сходи к Нинке, про мать узнай, ты и расскажешь как умеешь, по-своему, по-умному... Светке, Илье такое... Нет, нет, нет... Токо тебе смогла, прости, сынок (*выдохнула*). Скоко лет хотела, а смогла вот. Уф-уф-уф (*смеётся*), дышать стала (*обняла Андрея*) Ты с Ильёй, того, не связывайся. Он тебе плохо сделает. Зинка... Попроси у неё прощения за меня и забирай её, он её или себя убьёт. Увози её от беды. Это на зависть, как она тебя любит. В селе нашем такой не видала боле. Дай я тебя поцелую, ты чё, не плачь, а то счас в две того (*обняла*) Ты, того, не болей... София толкует – болеть не будешь.

Но, говорит, немного потерпеть. Пей, чё давать будет. Поговори с ней, сам напросись, не боись. Налил бы чего мамке, пили ведь, раз эти убегли. Неси, не боись (смеётся) Папка твой хороший. Ой какой! Я не могу с ним говорить про это, и ты, того... Это чё? Давай, здоровья тебе. *(выпили)* Самогон, чё ли? О, энто, того, бутылка не наша. Лучшего папки для детей своих и не сыскать. Я малахольная, завсегда такой была. Малая была, на дух не переносила мужиков. Да и потом. Батяка мамку бил, ой как бил, корову бил, детишек не трогал. А корове с мамкой доставалось... В девках долго была и никогда бы не пошла, да за любого, хошь самого растакого... Не понимала я этого, похабщиной мамка это называла. Мамка, царство ей небесное, ты же помнишь, добрая была, несчастна. Батя её измочаливал приставанием этим. Иди сюды, дай да дай. Вот оно мне и не любо, и не надо... Налей ещё, вкусная. Светке и Илье про это ни-ни... Светка така ж как я, мужицкое племя на дух не переносит. Мужики и трактор, говорит, одно и то же. *(закрывает лицо)* Дальше забыла, чё-то пашет, того, не глубоко... И чё-то потом хочет... Не помню. Ну одно слово мужик как трактор. Андрюша, Андрюша, вы вчерась поздно пришли, я слышала. Зина была с вами?

Андрей. Нет. Звонил ей пару раз, не ответила. Мам, ты прямо плиту бетонную с меня сняла, я уж и не знал, что думать... Вижу, плохо тебе. Уж было подумал, не хворь ли какая...

Надя. Хворь! Ещё кака хворь! *(закрывает рот)* Чё ору... Это самогон твой. Андрюш, така хворь, тебе не передать. Твоя хворь, она пройдёт. София бабка слово так не выпустит, абы сказала, что всё про это знает. И ещё чёт говорила, слова забыла. А вот она за свёкром, дедом твоим ходила. Он, того, её не слушал, диковат был. Она его было лечила, а он этот настой не пил. Слушай её и верь, это така сила. Она меня надоумила тебе открыться. Свет вернётся, говорит, к тебе. Ой, кака она... *(засмеялась)* Это чё? Я, того, смеюсь. Пьяная. Свет, свет... Прямо так хорошо... А моет, от самогона. Давай его ещё и пойду к сеструхе, того, пьянствовать *(выпили)*. Отцу сёдни не говори, вот токо смотри на него и сразу увидишь. Он всё знат, завсегда всё чует... Он так ласки от меня и не дождался, всё ждал, ждал, слова дурного ни разу от него, а я така сельска погань... *(махнув рукой)* Пошла *(по-девичьи побежала)*

Андрей облежённо вздохнул, закинув руки за голову. Филя и Киря появились вдали беседки, недоумевая, подошли к Андрею.

Филипп. Чё ты, того? Было чё иль нам, того?

Андрей. Хорошо, батя... Пряма бальзам. Чудеса на свете случаются, так скажу тебе.

Кирьяк. Серьёзное заявление. А чего тара на обозрение? Так это чё, банкет? Тады наливай *(Филипп, недоумевая, разлил по стаканам)*

Филипп. Ты это, вы того... Я сейчас... Так мать чё?

Андрей. Мать? Сказала, что ты у нас лучший батя на свете *(немая пауза)*

Кирьяк. Типа он? Ага... И сказала это Надя?

Андрей. Самолично, и не раз.

Филипп *(улыбаясь Кирьяку)*. А чё ты? Вродя против, чё ли? Андрюха брехать не будет. Вот так вот. Я это, того, пойду сварганю чё поесть *(пошёл было и вернулся)*. Это, сделаю вам блюдо *(ударение на «О»)*

Кирьяк. В смысле блюдо? *(исправил ударение)*

Филипп. Ну, Светка делат. Картохи варёной пожарит на сале, туды десяток иичек...

Кирьяк. В смысле яиц?

Филипп. Ну, их самых. Следом, когда зашкворчало, туды луку зелёного, покрошенного, много *(тихо закрыв лицо, смеётся)*, и того сверху много натёртого сыру. Она привозит его завсегда. И того, питательно... Пошёл, бывайте. *(вернувшись)* Без меня не того *(Андрею)*. Я ж тебе говорил про мамку...

Кирьяк. Похоже, и за батей твоим пришли...

Андрей. Кто?

Кирьяк. Эти, такие жёлтенькие и зелёнькие. Глюки.

Андрей (*зашёлся от смеха*). Твою-раствою и нашу общую... Мамка знаешь как меня порадовала. Лучший подарок мне за всю жизнь. Взяла и покаялась.

Кирьяк (*вскочил*). Да ты чё! Ни х... хороших ни плохих товарищей! Ё... мою и твою! Чё, правда!? (*заткнул себе рот*) Опять ору... Ну это точно, главный мент страны гикнул в сортире. Работает! Софкино работает, столько лет, до хрена и больше. Ну, София, ну просто вынуждает жениться. Я так убеждён был, шо цэ случай безнадёжный.

Андрей. Да и я, того... Потом, как она в сарай уйдёт и плачет. Малой, как верёвкой к ней был привязан. Сижу на сене, а она того, и гладит меня, и прижимает к себе... Папка наш хороший, это я така...

Кирьяк. Ну София, гигант... Придётся... Обещал, понимаешь.

Андрей. Чё, правда?

Кирьяк. Да, лет шестьдесят назад, молодой был, типа честный, сказал. И часика через три, беседея на пляже с русалкой из города, не помню, такой большой город, не помню... Не слышал о таком? Ты что, самый счастливый город! Признался, значит, этой русалище, что я чуть было сегодня не лишил себя будущего и токо её чувственность и красота спасли меня. Дальше дело техники.

Андрей. Я в этом смысле, в смысле женщин, не развитый, скорее обездоленный, как папка. Скорее так... Так ты был влюблён в Софию или это очередной экспромт?

Кирьяк. Между нами, только без обид. Любить одну женщину, вот это и есть – обездоленность. Вслушайся? Без доли. Ознобу нет? По мне так скорее добровольная кастрация. Но это касаемо меня, вот такого-растакого раз-два-три-долбая, как я... Поверь, если б меня вот таким раздолбаем приняло бы общество, я возвёл бы любовь к женщинам в культ, поднял бы на такие высоты. Проще, сделал бы это профессией. Любить женщину... Звучит? Но, увы, мир, селяне и прочая пое... по-кор-ное стадо отторгнет меня и выплюнет. А я гордец. Андрюх, человек ты страстный, и это за версту видно, но ты, твою... тётю, занимаешься непотребным делом – топишь и втрамбовываешь усё вовнутрь, так что, прости меня, не хотел... Знаю о твоей болячке, извини, этим недугом страдал батя, и я был тому свидетель, и мне так хреново было. Решительно не хотел бы пережить это снова. Не хотел, но не могу... Просьба, большая и личная – не отказывайся от страсти, это может быть причиной многого. Имён не называю. Между нами, я потому такой мудака, что отказался от этого, скиксовал... Где этот муж! Етит его разь-етит!

Филипп. И чё орёшь? (*расставляет не спеша*) Счас (*пошёл было*) Киря, подмогни мне, там принесть надо.

Кирьяк. А чё? У нас типа банкет? (*Андрею*) Ты понял!

Филипп. Картоха с сыром, баклажаны напёк, перцы. Помидоры жарены ел? Ты чё, хамса, вот.

Кирьяк (*расставляя*). Так это чё, свадьба? Так, того, надо невесту звать. Андрюх, звони Зинаиде. Чё струхнул? Ой, зря.

Андрей. Я звонил, и вчера, и сегодня...

Кирьяк. Ну, с пролётом тебя. Придётся мне (*поднял вверх руки*) Давайте культурно так сядем. Филя, а чё ты в этом б... отрепье. Рубах у тебя, как у Онасиса, а ходишь как этот. Сходи, только быстро! Пулей! Значит, того, смотри сюда. Сейчас ты оценишь силу моего магнетического воздействия на женщин любого возраста на любом расстоянии (*появился Филипп в голубой рубашке*). О! Це... А канареечного цвета у тебя не было?

Филипп. Не. А энта чё?

Кирьяк. Ну как тебе... Взрослых самцов обычно этот цвет настораживает. Ну ты, того, садись. Туда, подале.

Филипп. Куды?

Кирьяк. Туды.

Андрей. Рубаха что надо, пап.

Кирьяк. Сограждане, по маленькой. И хамсичкой... Любима закусь. В лагере я такую большую хамсу, с грудями, во сне видел.

Филипп *(приснул)*. Ну чё ты делаешь! Хорошо, чо я не пил, продукт бы спортил. Давай, Андрюх, ты мне, того, давай...

Кирьяк. Все выпили? Хорошо. Теперя наливаем, и значит так. Демонстрация силы моего харизматично-магнетического воздействия...

Филипп. Чё это он?

Андрей. Покажет нам силу своего воздействия.

Филипп. Ёшкин... Энто чё, штаны спустит, чё ли?

Кирьяк. Баклажан твою! Так, налито? Сейчас, примерно через двадцать секунд здесь появится женщина, а может баба, а может, и... Пути его, творца, неисповедимы, хотя это и меняет суть. Итак... Андрюх, просьба считать до двадцати, медленно. Филя, не хлопочи! Сидай! Снимаешь силу напряжения. Прошу, Андрюх *(сел, замер, грозно посмотрев на Филиппа, дал Андрею отмашку)*

Андрей. Раз...

Филипп. Это, того... *(Кирьяк гневно посмотрел на него угрожающе и высоко поднял руки к небу)*

Андрей. Два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать... *(Кирьяк снова делает этот угрожающий жест, высоко поднимая руки. Филипп прикрыл рот)* двенадцать, тринадцать, четырнадцать, пятнадцать... *(Кирьяк закрыл глаза и руки воздел к небу)* Шестнадцать, семнадцать... *(улыбаясь, входит бабка София)*

София. Аль не вовремя?

Андрей *(пауза)*. Ну... Я не знаю, как это...

Кирьяк *(тихо)*. Да... Правда, ждали из другой возрастной группы. Ну что ж, не судьба. Проходи, любезная. Будь гостьей у нашего скромного стола.

София *(прикрыв рот и махнув рукой в сторону Филиппа)*. Благодарствую, молодцы.

Андрей. Дядька, ты это... Что-то из ряда... А как это?

Кирьяк. Это сложно, племяш. Это такое напряжение всех физических и духовных сил. Обычному человеку это не под силу, только избранным.

Филипп *(наливая)*. Энтот фокус за последние лет пять энта парочка проделывает, того, в третий раз.

Кирьяк. Невежда и холоп.

Филипп. И то верно, и друго. Но он того без этого никак. София, подведёт он тебя под срок, к столетию... *(София смеётся, закрыв лицо руками)*

София. Грех большой на себя взяла, согласившись сёдни на это. Пристал с ножом к горлу, обещал жениться. Слабинку дала.

Кирьяк. В раскулачивание и в продразвёрстке самые большие штрейкбрехеры были из простого народа, селяне, особливо штукатуры и вешуньи!

Андрей. Я чего-то никак... А в чём подвох?

Филипп. Я того, попался впервой, так же как и ты, того... Ах да ах. И как энто? А во второй вижу – он руки поднял и зыркает в сторону своо дома, где лестница евона стоит. Во второй раз поднял и опять зыркнул. Я и спросил, а кого ты там с биноклем зарядил? Я и, того, расколол его. А София... На лестницу не того? Не страшно?

София. Я ящик ставлю и на две ступеньки... Главно руки его видеть. Говорила ему, разоблачат. Чего ж ты Филю не предупредил?

Кирьяк. Кого?! Штрейкбрехера этого!

Андрей. С этим номером можно по хуторам и станицам несколько лет ездить. Правда, лестницу с собой переть каждый раз накладно. Когда разоблачат, убегать с ней не того...

Кирьяк. Песню, гад, испортил. Давайте молча, каждый за своё...

Филипп. Киря, я того... Чё ты, в обиду, чё ли?

София. Шуткует он, какая обида... (*выпили, помолчали*) Светлые деньки кончаются, лето уж осенью отдаёт. Рано... Кирюш, чё ты там накупился.

Кирьяк. Потратив жизнь на то, чтоб развлекать, забавлять, ублажать население страны, оттого, что так скудно-серовато-хреновато живут, я пришёл к печальному выводу. Тщетные усилия. Проще – зря... И взвалил это я на себя по причине, что иссякли толковые дураки и по недоумению решил, что наступило моё время, бестолкового придурка. Ошибся. Сожалею. Официальное заявление. Отныне, с сегодняшнего дня... какое сёдни число?

Филипп. Сёдни (*тот же жест*) Второе августа, четверг.

Кирьяк. Второго августа в четверг я, такой-рассякой, коренным образом меняю свою жизнь. София, твоя взяла. Я становлюсь ммммм (*мычит*) членом вашего сообщества. Ежели кого ненароком, того, отодвиньтесь. Что застыли? Это была типа ещё одна... (*смеётся*) Давайте нальём и выпьем за оскудение всевозможных чувств в народных массах (*наливает*)

Входит Светлана на удивление без шума, и садится с краю.

Кирьяк. И того? Кто ты, дитя?

Света (*садясь*). Эх, дядька, дядька, дядька... Почто ты мне не рассказал. Налейте мне (*выпила*). Ещё. (*налили, выпила*) Дядька, пытала тебя и не раз, поведай чё знаешь. И почто молчал? Выгораживал выродка? Или долбану честь свою казацкую ублажал? Я ж теперя не знаю, как тебя... Чё, как теперь? Смотреть, говорить?.. Как?

Давай, наберися духу и теперя расскажи мне, что там было? Петрика, тварь, уже получил своё! За то, что молчал. Степана вызвал, брательника Зинки. Петрика Стёпке всё рассказал, чё этот выродок натворил, а мне так, огрызками, да и потом, торопился... Теперя ищут её... народ собрали и ищут у моря, в дюнах. Видел её два дня тому Сева, пацан у меня работает. Пошла, говорит, как всегда в семь вечера купаться. В шторм... С полотенцем через плечо.

Дядька, что там было в магазине?

Кирьяк. Надо принять (*налил себе и выпил*) Андрюх? Ты, того, приехал во вторник?

Андрей. Днём, часа в три.

Кирьяк. Вот, в три. Ну я того, подумал, пусть отдыхает, и часов в пять в Илюхином магазине затарился. Он был так, слегка заквашенный, гонял своих продавщиц. Я, не заморачиваясь, пошёл к Петрику в ресторан, там посидели часика три-четыре, и Петрик повёз меня домой. Проезжая мимо Илюхиного магазина, время – десятый час, смотрим, свет и дверь открыта настезь. А магазин-то закрывается в семь. Ну, мы, того, вошли и... Илья сидит такой за стойкой, поцарапанный, рубаха разорвана. Увидев нас, проходите, мол, наливает, а за стойку не пускает. Петрик его эдак отодвинул, на полу там Зина... Белая... Я подумал, того, не живая. Но она подняла голову и виновато так нам – простите... Всё на ней разодрано в клочья, кровь по лицу... Петрик сходил, принёс накидку из салона, и мы отвезли её в гостиницу. Домой ни под каким не хотела, попросила нас никому ничего, очень просила. Она просила, понимаешь?.. Поняла? Вот... Потом ехали обратно, вошли в магазин, он там же за стойкой, в лабуды. Петрика кое-чём ему пообещал. А он слово привык держать. Не он, так Степан, тот серьёзный человек.

Света. Мразь, пьянь и выродок... Ты, ты, батя, меня останавливал, давно его надо было...

Филипп. Вы, того... Думайте, не горячитесь, где она может быть. Зинаида Фёдоровна? София, не надо ничё говорить. Про эту беду, и такое... Найдётся... Плавает так она, ты ж сама за ней угнаться никогда не могла, так она плавает... Думай, Свет, ты того... Куда могла поехать. Вы, того, много где бывали, думай. С Ильёй не надо ни того... Он пропадёт совсем. Я сам с им поговорю... Лучше мать. Её он слышит, боле никого. Я скажу ей. Ему уехать надо, давно. Уедет, скажем. Всегда в нашей родове были такие, скажи, Киря. Ничё, потом становились людьми. Дед наш столько народу того, потом остаток жизни... того.

Андрей. Пап, во вторник когда он домой приезжал? Вечер уже был?

Филипп. Энто того... Часу в восьмом, тебя разбудил, шепутной такой. Выпили, посидели малость. Он того, ехал.

Света. Похвастаться приезжал.

Илья (*издалека*). Ну, в точку. Ой как шибко вы все меня любите (*приближаясь*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.